

Евгений Будде

**Лекции по истории русского
языка**

1906/7 академический год

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 81
ББК 81
Е14

Е14 **Евгений Будде**
Лекции по истории русского языка: 1906/7 академический год / Евгений Будде –
М.: Книга по Требованию, 2021. – 254 с.

ISBN 978-5-518-06082-1

ISBN 978-5-518-06082-1

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

Лекція І-ая.

§ 1. Исторія литературы и исторія языка. „Содержаніе и методъ исторіи литературы еще составляют *искомое*; исторія литературы должна разрабатываться съ разныхъ точекъ зрѣнія раньше, чѣмъ можетъ быть достигнуто ея правильное построение“. (Paul. Grundriss der germanischen Philologie. I Bd. III. Methodenlehre. 6. стр. 215. Изд. 1891 года). Такъ говоритъ авторитетный знатокъ исторіи литературы, германскій филологъ *Пауль* нашего времени. Послѣ долгихъ лѣтъ, потраченныхъ на опредѣленіе задачъ исторіи литературы, какъ науки, установилось, наконецъ, господствующее ея пониманіе, какъ *исторіи идей*, и она вмѣстѣ съ цѣлой серіей наукъ, обнимающихъ *исторію, мифологію, языкъ, право, народную поэзію и литературу* различныхъ народовъ, признается нынѣ наукой *филологической*, т. е. *отдѣломъ филологіи*. Но содержаніе и методъ исторіи литературы, какъ видимъ, не опредѣлены строго и повынѣ. Прежде, чѣмъ стать наукой филологической, исторія литературы прошла цѣлый рядъ этаповъ въ своемъ пониманіи: еще въ XVII—XVIII вѣкѣ понимали исторію литературы, какъ „оглавленіе книгъ, и кто ихъ сложилъ“, какъ „роспись книгамъ“ съ краткими біографіями ихъ авторовъ, на подобіе формулярныхъ списковъ. Затѣмъ стали поминать исторію литературы, какъ *исторію поэзіи*. Такъ, между прочимъ, долгое время понималъ исторію литературы и отецъ нашей критики—Бѣлинскій, который въ своихъ „Литературныхъ мечта-

ніяхъ“ 1834 года открыто заявилъ, что наша литература начинается только съ Пушкина, и что онъ готовъ отдать всю древнюю литературу за одно стихотвореніе Пушкина. Понимая подъ исторіей литературы *исторію поэзіи, какъ искусства*, критика того времени установила эстетическіе принципы, которыми она руководилась при опредѣленіи того, въ чемъ заключалась *поэзія*. Эта эстетическая критика первой половины XIX столѣтія, однако, просуществовала не долго, т. к. вводила собой въ оцѣнку литературныхъ произведеній слишкомъ субъективный элементъ личнаго вкуса при опредѣленіи признаковъ *поэтического* произведенія. Кромѣ того, съ точки зрѣнія эстетической критики въ исторію литературы не могли попасть древнія *мѣтописи, посланія, поученія* и под. прозаическія сочиненія нашей древней литературы. Уже въ сравнительно недавнее время, во второй половинѣ XIX столѣтія, историкъ англійской литературы Тэнъ (Taine) выставилъ положеніе, что исторія литературы есть *отраженіе психологическихъ процессовъ жизни общества*; но странно было бы изучать психологію общества по психологіи отдѣльнаго писателя, и потому новѣйшіе историки литературы, психологи и критики, какъ Геннекенъ (Hennequin), Тенъ-Бричъ, Гюйо, Брюнетъеръ и др., развили положеніе Тэна и справедливо рекомендовали изучать писателя и его творчество въ связи съ общественными и личными условіями его дѣятельности. Требовалось самое подробное изученіе интимной жизни писателя, его среды, условій воспитанія и образованія, его семьи, круга друзей и знакомыхъ, наконецъ, общихъ соціальныхъ условій его времени. (см. Шаховъ. „Гете и его время“). Такимъ образомъ, дѣятельность писателя поставлена въ связь съ общими условіями его времени. Съ этой точки зрѣнія справедливо признается древній періодъ нашей литературы до Петра не подлежащимъ *научному* изученію, не составляющимъ науку, т. к. въ этотъ періодъ мы имѣемъ въ большинствѣ случаевъ дѣло съ анонимными авторами или съ авторами, личность которыхъ, за-

отсутствіемъ матеріала, не можетъ быть научно изучена, да и самыя условія жизни, связи писателя съ древне-русскимъ обществомъ далеко не полно могутъ быть представлены по тѣмъ же причинамъ. Кромѣ того, самое время написанія разныхъ произведеній др. р. литературы остается намъ неизвѣстнымъ, и самыя произведенія дошли до насъ не въ подлинникахъ, а въ позднѣйшихъ спискахъ.

Совсѣмъ не то мы имѣемъ въ *исторіи языка*. Исторія языка покоится на наукѣ, которая называется *сравнительнымъ языковѣдѣніемъ*. Еще въ 1786 году англійскій ученый путешественникъ Джонсъ, бывшій въ Индіи, выставилъ положеніе, что по его наблюденію языки: древне-индійскій, греческій и латинскій имѣютъ столько между собой общаго, что не оставляютъ никакого сомнѣнія въ томъ, что они происходятъ отъ одного общаго своего родоначальника—отца, т. е. отъ одного языка, который теперь уже, вѣроятно, не существуетъ. Эту мысль можно было высказать только послѣ сравненія языковъ между собою, послѣ того, какъ найдено путемъ сравненія сходство между ними, и опредѣлено по степени сходства ихъ близкое родство. Это близкое родство между названными языками оказалось яснымъ для всякаго филолога какъ въ корняхъ глаголовъ, такъ и въ грамматическихъ формахъ. Такъ, по сходству корней, означающихъ въ этихъ языкахъ „мать“ семейства, мы видимъ, что всѣ эти языки указываютъ согласнo своими названіями родственниковъ, составляющихъ членовъ семьи, что уже въ первобытную эпоху индоевропейцевъ у нихъ существовалъ институтъ семьи, родоначальникомъ которой считалась мать—родительница. Названія „сынъ“, „дочь“ и проч., происходя отъ одного общаго корня въ этихъ языкахъ, указываютъ, что семья съ ея членами, какъ особый институтъ, принадлежала эпохѣ языка—отца, который мы будемъ называть *праязыкомъ*, или общимъ *индоевропейскимъ языкомъ*, отъ котораго произошли всѣ родственные языки одной семьи, называемой *индоевропейской*. Къ этой семьѣ языковъ, какъ теперь

доказано, принадлежать по своему сходству языки: 1) индійской вѣтви (санскритъ), 2) иранской вѣтви (др. персидскій), 3) армянской вѣтви, 4) албанской вѣтви, 5) греческой вѣтви, 6) италійской вѣтви (латин. яз.), 7) кельтской вѣтви, 8) германской вѣтви, 9) балтійской или литовской вѣтви и 10) славянской вѣтви. Языки славянской вѣтви индоевропейской семьи въ своемъ составѣ имѣють: *языки южнославянскіе* (т. е. болгарскій, сербохорватскій и словенскій). Сюда же принадлежит тотъ языкъ, на который было переведено въ IX вѣкѣ нашей эры св. Писаніе съ греческаго языка для славянъ. Этотъ языкъ называется *старославянскимъ* и ближе всего подходит къ *древне-болгарскому* языку. Далѣе, въ составъ славянской вѣтви входитъ языкъ *русскій* съ его нарѣчіями и *языки западно-славянскіе* (т. е. чешскій, словацкій, лужицкій, польскій, кашубскій и вымершій языкъ *полабскій*).

Но сравнительное языковѣдѣніе еще не выяснитъ намъ отношеній между отдѣльными родственными языками къ общему изъ родоначальнику, ихъ праязыку, если *сравнительное* языковѣдѣніе не сдѣлается въ то же время *историческимъ*. Отцомъ *сравнительнаго* языковѣдѣнія справедливо считается Францъ Боппъ, который въ 1816-мъ году доказалъ общее происхожденіе вышеназванныхъ языковъ индоевропейскихъ. Отцомъ же *историческаго* изученія языковъ считается Яковъ Гриммъ, написавшій въ 1819-мъ году грамматику всѣхъ германскихъ языковъ („Deutsche Grammatik“). Гриммъ разсматривалъ отдѣльные языки не только въ ихъ отношеніяхъ между собою по происхожденію, но также, и при томъ главнѣйшѣмъ образомъ, въ тѣхъ измѣненіяхъ, которыя происходили въ каждомъ изъ нихъ съ теченіемъ времени въ историческія эпохи ихъ существованія, т. е. въ эпохи, засвидѣтельствованныя письменными памятниками. Только послѣ работъ Гримма прочно установилось положеніе, что одновременно существовать языкъ-отецъ и языкъ сынъ не могутъ, что всякій новый языкъ является изъ стараго и на мѣсто стараго языка

даннаго названія. Напр., новый русскій языкъ образовался изъ стараго русскаго языка и на мѣсто стараго русскаго языка. Этотъ принципъ исторіи языка выяснилъ намъ съ помощью сравнительнаго метода не только взаимныя отношенія языковъ одной семьи *по происхожденію*, но и взаимныя отношенія ихъ къ ихъ *праязыку*, родоначальнику, отношенія родственныхъ языковъ одной семьи *по времени*. Такимъ образомъ, *исторія языка есть наука о постоянныхъ видоизмѣненіяхъ языка въ теченіе времени*, или, что то же. *наука о жизни, о движеніи языка во времени*. Какъ видимъ, *методъ* этой науки *сравнительно историческій*, какъ у натуралистовъ.

§ 2. Объемъ науки, ея содержаніе, ея собственное и прикладное значеніе. Методъ и задача ея. *Задача* же исторія языка прослѣдить судьбы даннаго языка во времени и связать прошлое языка, засвидѣтельствованное памятниками письменности, съ его настоящимъ; уяснить его настоящее изъ его прошлаго. Но, какъ извѣстно, письменные памятники руководятъ историкомъ языка лишь въ періодъ письменности. Такой же періодъ не для всѣхъ народовъ наступаетъ въ одно и то же время: русская письменность, напр., для историка р. языка начинается лишь съ XI вѣка нашей эры, съ 1056—1057 года, отъ котораго сохранился древнѣйшій памятникъ русской письменности, Остромирово Евангеліе, переписанный съ древняго болгарскаго оригинала. Такимъ образомъ, историкъ русскаго языка, дойдя въ изученіи языка по памятникамъ до XI-го вѣка, т. е. до того времени, отъ котораго *случайно* сохранился памятникъ, остается какъ-бы безпомощнымъ, но въ сущности это не такъ: сравнительное изученіе родственныхъ языковъ, выступая въ качествѣ *метода* для историка языка *взаимнѣ историческаго* изученія, для *доисторическихъ* эпохъ, даетъ языковѣду вѣрное средство возстановить и доисторическое (до письменности) состояніе языка и такимъ образомъ *начать исторію даннаго языка* не съ случайнаго момента

или обстоятельства, каковымъ является, именно, то обстоятельство, что до XI вѣка не сохранилось ни одного памятника, написаннаго русскимъ человѣкомъ въ Россіи, а съ момента *выдѣленія русскаго языка изъ общеславянской семьи*, въ которой русскій членъ ея жилъ сначала (приблизительно въ IV—VI в. по Р. Х.), вмѣстѣ со всей семьей (на югъ отъ Нѣмана и на западъ отъ Днѣпра, въ Прикарпатѣхъ, въ верховьяхъ Вислы, въ области теперешней Галиціи, г. Кракова и Волынской губерніи), сохраняя однако свои особенности, которыя развились въ немъ впоследствии, уже по выдѣленіи его изъ семьи, приблизительно въ VII—VIII в. по Р. Х. Къ XI-му вѣку наша лѣтопись застаётъ уже русскія племена, вошедшія въ составъ русскаго государства, расселившимися и усѣвшимися прочно на опредѣленныхъ мѣстахъ. \ Съ XI-го же вѣка, съ перваго вѣка нашей письменности, мы находимъ въ памятникахъ доказательства того, что въ это время русскій языкъ уже распадался на различныя нарѣчія, образцы которыхъ въ нѣкоторыхъ чертахъ уже попали въ письменность, изобличая собой особенности произношенія того или другого писца въ зависимости отъ мѣстности написанія книги и отъ мѣста рожденія писца. Такимъ образомъ, русская письменность на всемъ пространствѣ съ перваго вѣка своего существованія носитъ на себѣ отпечатокъ *нарѣчій*, или *діалектовъ*, 'носятъ *діалектическій характеръ*. Если мы сравнимъ особенности древнихъ русскихъ нарѣчій, поскольку они выступаютъ въ древней русской письменности при всей однообразности ея содержанія и при неблагоприятныхъ условіяхъ возникновенія древняго русскаго литературнаго (письменнаго) языка, съ особенностями *современныхъ* намъ русскихъ нарѣчій, то мы увидимъ, во-первыхъ, что многія древнія особенности діалектическія и *нынѣ* сохранились тамъ же, гдѣ онѣ были извѣстны въ глубокой древности (напр., новгородское произношеніе *ѣ* вм. *ч* и наоборотъ: *цѣрнецъ*, *чарь*, *улича* и проч.), а, во-вторыхъ, многія діалектическія особенности не-

извѣстны по памятникамъ древней письменности, но извѣстны въ современной діалектологіи, т. е. развились въ нарѣчіяхъ русскаго языка съ теченіемъ времени, но уже не попали въ *новую* письменность, т. е. со времени образованія школъ на Руси и развитія *художественной* литературы съ XIX вѣка у насъ установился *общій типъ* литературнаго языка безъ діалектическихъ примѣсей. Изъ этого видно, что при изученіи исторіи русскаго языка періода письменности необходимо изучать и *русскую діалектологию* для того, чтобы возстановить соотвѣтствіе діалектическихъ особенностей нашего времени особенностямъ того или другого памятника древней письменности и указать его родину. При изученіи же русскаго языка доисторическаго періода необходимо сравнительное изученіе русскаго языка вмѣстѣ съ родственными ему славянскими языками славянской вѣтви. Въ первомъ случаѣ мы изъ сравненія діалектическихъ данныхъ русскаго языка между собою доходимъ до эпохи *общерусскаго* языка (приблизительно IX—X вѣкъ), во второмъ случаѣ путемъ сравненія данныхъ изъ слав. языковъ между собою мы возстановляемъ эпоху *общеславянскаго* языка (приблизительно I—V в.) и узнаемъ, что получилъ русскій языкъ въ наслѣдство изъ этой эпохи, что онъ развилъ у себя въ отдѣльной жизни, и что развили у себя его нарѣчія уже послѣ XI-го вѣка. Такимъ образомъ, исторію языка находитъ лишь въ *извѣстной мѣрѣ въ зависимости отъ памятниковъ письменности*, но не безусловно, и исторія русскаго языка, значить, должна начинаться *задолго до начала письменности на Руси*. (Дѣятельность Кирилла и Меодія происходила въ IX вѣкѣ). Кромѣ того, свидѣтельства языка *безпристрастны*, и этимъ языковѣдъ выгодно для себя отличается отъ *чистаго историка*, письменные памятники котораго по самому существу своему всегда *пристрастны*. *Языковѣдѣ имѣетъ значеніе* особой науки, когда цѣлью этой науки ставится изученіе языка и при томъ *научное*, а не практическое, т. е. историко-сравнительное изученіе по методу

историко-сравнительному. Но языковедіе можетъ имѣть и *прикладное* значеніе, т. е. быть прикладной наукой, когда намѣчаются вопросы историко-культурныя и этнографическіе, которые могутъ быть разрѣшены только путемъ приложенія языковѣдѣнія. Такъ, напр., этнографическій составъ русскаго народа также важенъ для историка Россіи, какъ составъ русскаго языка для языковѣда. Наша начальная лѣтопись сохранила до насъ преданіе объ *одиннадцати* русскихъ племенахъ, имѣвшихъ въ древности свои особыя названія, обычаи и вошедшихъ въ составъ русскаго государства путемъ расселенія на территоріи нынѣшней Россіи и путемъ колонизаціи мѣстностей, заселенныхъ первоначально финнами и другими народами. Вотъ, именно, вопросъ о заселеніи русскими племенами нынѣшней Россіи, вопросъ о столкновеніи различныхъ племенъ при колонизаціи чужихъ земель, вопросъ о направленіи, въ которомъ шла русская колонизація изъ южныхъ земель, изъ колыбели общеславянской семьи, а потомъ изъ колыбели общерусской семьи, съ верховьевъ Днѣстра, двухъ Буговъ и Припечи, гдѣ, какъ нынѣ доказано, помѣщалась первоначально колыбель общерусскаго племени до IX вѣка, — всѣ эти вопросы могутъ быть разрѣшены только *русской діалектологіей*, которая имѣетъ въ такихъ вопросахъ преимущественное значеніе передъ памятниками исторіи въ виду *непосредственности* показаній самого языка и *субъективнаго* показанія историка о событіяхъ или *письменнаго документа* о событіяхъ.

§ 3. Русская діалектологія и ея отношеніе къ исторіи р. языка. Поэтому русская діалектологія, или наука о современныхъ русскихъ нарѣчіяхъ въ ихъ исторіи при посредствѣ памятниковъ письменности и при сравнительномъ ихъ изученіи, въ приложеніи къ исторіи русскаго народа, ведетъ къ заключенію о связи между древними русскими племенами нашей лѣтописи и современными русскими нарѣчіями. Зная

уже, что особенности діалектическія сохраняются въ теченіе очень долгаго времени, напр., какъ мы видѣли, особенность повгородскаго нарѣчія—говорить *чарь, цай, цудо, цѣрный* и проч.—сохранилась съ XI вѣка (по памятникамъ) до нашего времени,—мы заключаемъ, что *языкъ вообще консервативенъ*, и что мы, изучивши современныя разнообразія въ произношеніи русскаго народа по нарѣчіямъ и по мѣстностямъ, будемъ имѣть возможность связать каждое изъ нарѣчій, каждый изъ говоровъ древняго русскаго языка съ *опредѣленной мѣстностью* и съ современнымъ его потомкомъ, а при посредствѣ указаній нашей начальной лѣтописи относительно *мѣстъ* поселенія древнихъ русскихъ племенъ, изъ которыхъ каждое, предполагается, говорило *особымъ* нарѣчіемъ, иначе оно не было бы и *особымъ* племенемъ, мы, находя въ древнихъ памятникахъ письменности діалектическія особенности и сравнивая эти особенности съ современными, получаемъ возможность найти родину по языку и для тѣхъ памятниковъ письменности, о которыхъ до насъ не сохранилось свѣдѣній, *идѣ* они написаны и *къмъ* изъ русскихъ людей по происхожденію. Такимъ образомъ, русская діалектологія необходима не только какъ *прикладная наука*, но и какъ *самостоятельная*, для исторіи русскаго языка. Этимъ же способомъ, т. е. слѣдя по району употребленія діалектическихъ особенностей извѣстнаго типа за распространеніемъ извѣстнаго нарѣчія изъ той мѣстности, гдѣ это нарѣчіе или племя помѣщало нашъ начальный лѣтописецъ, и откуда сохранился памятникъ съ опредѣленными діалектическими особенностями, сохранившимися донынѣ въ чистомъ или измѣненномъ видѣ мы узнаемъ и *колонизационный путь* того или другого р. племени. Наконецъ русская діалектологія проливаетъ свѣтъ и на самое произношеніе др. русскихъ памятниковъ въ ихъ древней орфографіи, которая при чтеніи представила бы намъ часто непреодолимые затрудненія, если бы намъ не помогали живыя русскія современныя нарѣчія. Напр., какъ прочесть др. русское написаніе *дѣръгать*? *Дѣръгать*? *Дѣръгать*, или еще иначе? Такимъ образомъ

современныя русскія нарѣчія, свидѣтельствуя о своемъ происхожденіи отъ разныхъ русскихъ племенъ, восходятъ по памятникамъ письменности въ главнѣйшихъ своихъ особенностяхъ къ XI-му и XII-му вѣку. Особенность памятниковъ нашей письменности та, что почти всѣ они въ древнее время до XVIII вѣка представляютъ собой болѣе или менѣе однообразныя произведенія церковно богослужебной литературы и по содержанію относятся преимущественно къ области богословскихъ вопросовъ. Кромѣ того, большинство такихъ памятниковъ *переводные* съ древне-болгарскихъ переводовъ съ греч. языка или простыя копіи съ болгарскихъ оригиналовъ, копіи, невольно измѣняющія языкъ оригинала на русскій ладъ. Очень многіе изъ нихъ неизвѣстнаго происхожденія, неизвѣстныхъ авторовъ и безъ указанія времени и мѣста ихъ написанія. Все это вмѣстѣ взятое дѣлаетъ необходимыми при изученіи исторіи р. языка постоянныя справки съ данными р. діалектологіи и умалываетъ значеніе письменныхъ памятниковъ для исторіи р. языка, выдвигая значеніе р. діалектологіи въ ея сравнительномъ изученіи. Такимъ образомъ, значеніе письменныхъ памятниковъ для исторіи р. языка древняго періода очень условно и находится въ зависимости отъ содержанія памятника и нашихъ точныхъ свѣдѣній о его происхожденіи и времени написанія. Тѣмъ не менѣе, зная по памятникамъ, что въ древнее время далеко не всѣ діалектическія особенности нашли себѣ выраженіе въ письменности, мы особенно цѣнимъ эти древніе діалектическіе признаки въ памятникахъ и съ помощью ихъ можемъ строить *историческую діалектологию*, т. е. рядъ послѣдовательныхъ измѣненій во времени въ жизни извѣстнаго р. нарѣчія.
